

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ «ТИТУЛАТУРНОЙ ВОЙНЫ» МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА С ВКЛ В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

Н. В. Соловьёва (Минск, Беларусь)

«Титулатурной войной» принято называть борьбу русской дипломатии за признание царского титула московского государя правителями ВКЛ, развернувшуюся в середине XVI века после венчания на царство Ивана IV [1; 2].

Впервые вопрос о царском титуле возник во время подписания перемирного соглашения, заключенного между Московским государством и ВКЛ в 1549 году, когда секретарь литовского посольства Глеб Есманов отказался писать царский титул в уже, казалось бы, одобренном сторонами тексте перемирной грамоты: «Написано въ грамотѣ име государя вашего царемъ, и мнѣ так не писати, писати ми по старинѣ <...> а не прибавити ми ни убавити ничего» [3, с. 287]. Это решение поддержали остальные участники литовского посольства, мотивируя отказ писать царский титул тем, что, вопреки сложившейся традиции извещать других монархов об изменении статуса или титула, московский государь «съ государемъ нашимъ (Сигизмундом II Августом – Н. С.) о томъ не обослался, что царемъ ся учинилъ, и государь нашъ потому намъ о томъ и науки не далъ» [3, с. 289]. Поскольку литовские послы твердо стояли на своем, Иван IV принял компромиссное решение: писать сейчас царский титул только в «цареве слово», а «королево слово» от имени польско-литовского писать без титула, «по старинѣ», с тем условием, что при ратификации документа литовская сторона внесет царский титул и в свой вариант.

Сложившаяся ситуация была расценена московским государем как досадное недоразумение. Русские послы, отправленные для утверждения перемирного соглашения к Сигизмунду II, получили наказ объявить о венчании и «въ поселстве своемъ напередъ всего мовили, абы его Королевская милость въ листе докончалномъ и во всихъ инъшихъ справахъ своихъ Господара ихъ Царемъ писалъ по венчанью его, которое онъ маеть отъ предковъ своихъ Великихъ Князей меновите отъ Великого Князя Киевского Манамаха» [4, с. 51]. Очевидно, что продуманная коммуникативная стратегия легитимизации царского титула у московской стороны отсутствовала. Факт венчания московского государя на царство московским же митрополитом в качестве аргумента, подтверждающего законное право Ивана IV именоваться царем, выглядел по-детски наивным – «кто венчается, тот и пишется»: «Вѣдь дѣло знаменитое, всѣ государи христіянскіе име свое пишутъ по вѣнчанью, а короли по коронованью. Прежде Ягайла вашимъ государемъ коронованья не было, а Ягайловъ отецъ Олгердъ и не писался королемъ; а Ягайло какъ короновался, и отъ того времени учель и писатись» [3, с. 312]. Что касается традиционного характера царского титула русских государей, то, как справедливо замечает А. И. Филюшкин, упоминание о «киевском царе-Мономахе» в качестве исторического аргумента было неуместным и неубедительным, поскольку в 1549 году Киев принадлежал ВКЛ [2, с. 129], и это было сразу же замечено литовской стороной: «а тотъ столецъ Киевъ есть и будетъ, дали Богъ въ моцы, въ рукахъ и держанью его Королевское милости, и никому бы тымъ именовемъ и тытуломъ Царства Киевского не было пристойно писатись, одно его Королевской милости» [4, с. 51].

Впрочем, сам факт происхождения царской власти и титула «от Мономаха» – не более чем политический миф, возникший на рубеже XV–XVI веков. Впервые повествование о том, как Владимир Мономах получил от византийского императора Константина символы царской власти – «вѣнецъ царьскыи и діядиму» – появляется в «Сказании о князьях Владимирских» и чине венчания Дмитрия Ивановича «Внука» [5] – текстах, имеющих на внутригосударственном уровне программный характер с точки зрения обоснования и укрепления формирующегося института царской власти.

В середине XVI века попытка использования мифа о «царе-Мономахе» на межгосударственном уровне – как инструмента легитимизации царского титула – потерпела неудачу, но лишь по той причине, что не были учтены актуальные геополитические условия (принадлежность Киева ВКЛ в 1549 г.). Поэтому в дальнейшем акцент в аргументации Ивана IV смещается в сторону династической преемственности: «от славнѣишаго Владимира Мономаха государство Русское по колѣнству доиде намъ» [3, с. 519].

Этот довод, однако, был также недостаточно убедительным для литовской правящей элиты, поскольку «тымъ именемъ и тытуломъ <...> отецъ, дедъ, прадедъ, а ни жаденъ съ пращеровъ его не писывали, а ни жадныхъ докончаней зъ его Королевскою милостию отьцомъ, а ни съ предки его милости, Великими Князи Литовскими тымъ обычаемъ ни чинивали» [4, с. 51]. В ответ на справедливое замечание об отсутствии царского титула в традиции дипломатической коммуникации между Москвой и ВКЛ русские послы вновь вынуждены прибегнуть к «наивной» аргументации: «а отецъ государя нашего и дѣдъ не вѣнчались, потому и не писались» [3, с. 437].

Впрочем, в титулатурной полемике контраргументы литовской стороны также кажутся непоследовательными и отражают замешательство правящей элиты ВКЛ из-за непонимания семантики титула *царь* и его места в иерархии европейских монархов. Так, мотивируя отказ называть Ивана IV «царем», Сигизмунд II замечает, что среди христианских монархов лишь «цесарь» – император Священной Римской империи имеет право на этот титул [4, с. 51]. И тут же указывает, что только «бусурманских» правителей называют царями, «а онъ, братъ нашъ, есть Господаремъ Христианскимъ» [4, с. 96].

Такое явное противоречие – «царем» может называться только наиболее авторитетный из христианских монархов и, в то же время, все нехристианские правители – наталкивает на мысль о существовании в древнерусском языке двух омонимичных в силу традиционного употребления «под титлом» титулов (црѣ: 1) црѣ < лат. caesar ‘обязательный элемент титулатуры римских императоров, непосредственно производный от имени Гая Юлия Цезаря’ и 2) црѣ < др.-перс. sag ‘глава, руководитель’ (Подробнее об этом в [6]). Русский титул царь (црѣ) складывается в результате контаминации западной и восточной культурно-языковой традиции, наполняясь при этом совершенно особым содержанием на фоне мессианско-эсхатологических мотивов доминирующей в русском обществе середины XVI века идеологической концепции «Москва – Третий Рим», что, безусловно, в сложившейся ситуации не было очевидным для польско-литовского монарха.

Титул *царь* не был понятен Сигизмунду, который опасался внезапного возвышения восточного соседа, тем более относительно его собственного королевского статуса. Эти сомнения, очевидно, понимали и в Москве. На протяжении 1550-х гг. в грамотах, адресованных Сигизмунду II, Иван IV неоднократно акцентировал внимание на том, что «титло царского именования на себя положили въ своихъ государствахъ по прародителей своихъ именования, не повышаяся ни надъ кѣмъ, ни укаря иншихъ государей или чести ихъ убавливая» [3, с. 519].

Отказ литовской стороны признать царский титул Ивана IV только лишь по факту венчания побудил московских дипломатов искать новые обоснования его легитимности. Во-первых, из царской казны были извлечены грамоты «христианских» и «бусурманских» монархов, где великие князья Московские назывались «царями», и предложены для ознакомления литовским послам: «цесарь и иные государи всѣ пишутъ государя нашего царемъ; а захотите, и вы ихъ грамоты смотрите» [3, с. 507]. Во-вторых, для усиления стратегии легитимизации царского титула как нельзя кстати пришлось завоевание московскими войсками Казани (1552 г.) и Астрахани (1554 г.), правители которых в русских деловых документах XVI века именовались «царями». В соответствии с традицией эпохи Иван IV как монарх-завоеватель наследовал титулы «царя Казанского» и «царя Астраханского», о чем незамедлительно через царского посланника было сообщено королю Сигизмунду: «а нынѣ государю нашему Богъ

даль къ его государству великіе два мѣста царскіе, на которыхъ госдарствахъ и вѣчно цари же были» [3, с. 452].

Таким образом, в 1550-х гг. в дипломатической переписке Московского государства с ВКЛ вырабатывается коммуникативная стратегия легитимизации царского титула московского государя, включающая 1) династическую преемственность царского титула и символов царской власти «от Мономаха»; 2) факт венчания на царство; 3) наследование титулов «царя Казанского» и «царя Астраханского»; 4) признание царского титула как европейскими, так и азиатскими монархами. Большинство представленных доводов носили фактологический характер и должны были убедить литовскую сторону признать московского государя «царем». Тем не менее Сигизмунд II продолжил последовательно игнорировать царский титул Ивана IV как в посольских инструкциях, так и в двусторонних дипломатических документах, поскольку «мы новых справъ у Хрестиянство уводити не звыкли» [4, с. 96].

С началом Ливонской войны (1558 г.) фокус внимания в отношениях Московского государства и ВКЛ сместился с титулатурных баталий на военные. В дипломатической коммуникации русских послов с литовской знатью борьба за признание Ивана IV «царем» в это время сходит на нет, замещаясь принципом «что ему (Ивану IV – Н. С.) Богъ даль, и то у него вся вселенная не убавить» [3, с. 587]. Между тем опыт выстраивания коммуникативной стратегии легитимизации царского титула русского государя, полученный московскими дипломатами в середине XVI века, окажется крайне ценным и востребованным на рубеже XVI–XVII веков в дипломатической полемике царя Бориса Годунова и Сигизмунда III, когда «титулатурная война» между Московским государством и ВКЛ разгорится с новой силой.

Библиографический список

1. Хорошкевич, А. Л. Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года / А. Л. Хорошкевич // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 23–42.
2. Филюшкин, А. И. Титулы русских государей / А. И. Филюшкин. – М.; СПб. : Альянс-Архео, 2006. – 256 с.
3. Сборник Императорского русского исторического общества: в 148 т. – СПб., 1867–1916. – Т. 59: Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским. Ч. 2 (с 1533 по 1560 год) / ред. Г. Ф. Карпов. – СПб., 1887. – 869 с.
4. Книга Посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 г.). – Москва : Университетская типография, 1843. – 516 с.
5. Бычкова, М. Е. Обряды венчания на престол 1498 и 1547 гг. : воплощение идеи власти государя / М. Е. Бычкова // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1993. – Vol. 34. – P. 245–255.
6. Соловьёва, Н. Титулатура монарха в контексте внешнеполитического дискурса Великого княжества Литовского и Московского царства в конце XVI века (на материале «Метрики Великого княжества Литовского» 1585–1600 гг.) / Н. Соловьёва // Slavica Slovaca. – 2019. – Vol. 54. – P. 103–111.

НАРРАТОР И РЕЦЕПИЕНТ В СЛОВАХ БЕЛУРУССКАГО ЕПИСКОПА ГЕОРГІЯ КОНИССКАГО

С. Э. Сомов (Минск, Беларусь)

Могилевский и Белорусский епископ (а в конце жизни первый архиепископ на Могилевской кафедре) Георгий Конисский был известен современникам и потомкам, особенно учащимся российских школ и гимназий XIX века, как выдающийся оратор, автор десятков слов